

Ночь опустилась на землю, в комнате мерцали огни свечей. Двое сидели на кровати: Фань Цинцзи был поглощен изучением трактата о мечах, а Вэнь Цзилинь безучастно смотрел на пламя.

Воспоминания о дневном разговоре волновали его душу. Он знал, что эгоистичен и одержим, но не понимал, можно ли назвать это любовью.

Разве не правда, что лишь сам человек может сопровождать себя до самого конца? Если бы рядом с ним оказался кто-то другой, смог бы он это принять? Они должны принадлежать только друг другу. Как вообще рядом с ним может появиться кто-то еще!

Слова Инь Моли словно послужили неким откровением. Отбросив мысли о взаимном уважении, Вэнь Цзилинь решил довериться своей порочной натуре и дать волю темным росткам, что пробивались в душе. В конце концов, сейчас он хотел лишь ухватиться за тонкие нити их связи и привязать человека к себе намертво.

Раз всё уже зашло так далеко, зачем искать другие пути? Они — единственная реальность. Единственная, которую можно удержать в руках.

Любовь в этот момент казалась не столь важной, и Вэнь Цзилинь начал понимать, что чувствовала наставница, желая убить своего мужа.

Глядя на человека рядом, который, опустив взгляд, читал книгу, Вэнь Цзилинь уловил в его спокойных и мягких чертах лица нечто, что можно было назвать властью. Охваченный необъяснимой жадой его внимания, Вэнь Цзилинь забрал книгу из рук юноши и уткнулся лицом в его грудь.

Черпая успокоение в знакомом аромате, он спросил — или, скорее, провозгласил:

— Ты ведь не оставишь меня, правда?

Трактат полетел на пол, и Фань Цинцзи, недоумевая, посмотрел на прильнувшую к нему голову:

— Ты что, с ума сошел?

Вэнь Цзилинь, чей голос звучал приторно-сладко, терся щекой о его живот:

— Ответь мне...

По спине Фань Цинцзи пробежал холодок, но он не успел испугаться. Он почувствовал неладное, вспомнив странное поведение этого человека, когда сам вернулся из Тай. При этой мысли взгляд Фань Цинцзи похолодел, он прижал голову Вэнь Цзилиня, не давая ему двигаться:

— Что тебе сказала наставница?

Вэнь Цзилинь слегка приподнял голову, его глаза светились болезненным восторгом. Глядя прямо в лицо Фань Цинцзи, он ответил невпопад:

— Я тебе не нравлюсь?

Теперь Фань Цинцзи окончательно убедился, что с Вэнь Цзилинем что-то не так:

— Это Демон Сердца? Я пойду за наставником.

Вэнь Цзилинь с трудом оттолкнул его и попытался встать, но его тут же скрыли опустившиеся полога кровати.

...

Фань Цинцзи снова сел. Выбираться с края кровати было неудобно, но ему было не до того. Очевидно, всё пойдет не так гладко.

На полпути чья-то сила резко подхватила Фань Цинцзи за талию и швырнула обратно на постель. Его руки и ноги были скованы, он поднял голову и встретился с затуманенным взглядом Вэнь Цзилиня, от которого сердце пронзил холод:

— Вэнь Цзилинь!

Фань Цинцзи охватила тревога. Он отчаянно сопротивлялся, пытаясь привести того в чувство:

— Вэнь Цзилинь! Я иду за наставником, отпусти меня, не позволяй Демону Сердца управлять тобой!

Вэнь Цзилинь, охваченный крайним возбуждением, лишь раздражался от шума и непокорности человека перед ним. Глядя на его приоткрытые бледно-розовые губы, он решил, что стоит их заткнуть, и станет тише. Ведомый естественным порывом и давно вынашиваемым желанием, он склонился вниз. Любимый, рожденный из холодного зеркального отражения, оказался теплым и податливым.

...Так стало тише.

Внезапная мягкость на губах заставила Фань Цинцзи замереть. Полные желания глаза человека сверху напоминали глубокое темное зеркало, в котором тонули и искажались все его попытки сопротивления. Когда что-то влажное и скользкое проникло между губ, Фань Цинцзи вздрогнул, но движение, призванное оттолкнуть, замедлилось.

Он размышлял. Размышлял о своих чувствах и о том, почему Демоном Сердца Вэнь Цзилиня

стало именно это. Жизнь культиватора долга, и лишь следуя зову сердца, можно достичь вершин. А чего жаждет он сам?

Лицо человека над ним залил румянец, но это не вызывало ни отвращения, ни брезгливости. Он наконец осознал: его собственным желанием был он сам.

Постепенно отвечая на этот страстный поцелуй, Фань Цинцзи резко перевернулся, прижал Вэнь Цзилиня к постели и посмотрел в его затуманенные глаза:

— Ты всегда был странным.

Лицо под ним, точь-в-точь как его собственное, пылало страстью, пробуждая дикие и пугающие желания. словно идя на компромисс, Вэнь Цзилинь склонил голову, вновь ловя эти мягкие губы. В сплетении дыханий Вэнь Цзилинь прошептал про себя:

— Впрочем, это уже не важно.

Их яростный поцелуй и пляшущее пламя свечей слились в единое целое, пока разум ускользал. В перерывах между тяжелым дыханием Фань Цинцзи видел, как растрепанная одежда партнера напоминает одинокий цветок, распутившийся посреди снежной равнины.

Когда ситуация была готова выйти из-под контроля, установленный порядок попытался восстановить равновесие. В тот момент, когда рука Фань Цинцзи заскользила туда, куда не следовало, ясный мужской голос вернул его к реальности, а звон нефритовой цикады пронзил завесу душевного помрачения:

— Слова Ли оказались верны.

Внимание Фань Цинцзи рассеялось, прерывистое дыхание человека под ним продолжалось, но он наконец обрел крупицу рассудка. Медленно сев, Фань Цинцзи поправил волосы — пряди упали на кожу партнера, покрытую красными следами. Его взгляд, прежде хаотичный, постепенно прояснился:

— Наставник?

Бросив взгляд на лежащего внизу, Фань Цинцзи неспешно привел в порядок свою одежду. Заботливо укутав Вэнь Цзилиня в одеяло, он поцеловал его в лоб, глядя прямо в рассеянные глаза:

— Жди меня здесь.

В пронизывающем осеннем ветре бессмертный в белых одеждах стоял у порога, а между его белоснежными пальцами звенела темно-зеленая нефритовая цикада. скрип приоткрывающейся двери был отчетливо слышен.

— Демон Сердца Цзина пробудился, — спокойно констатировал Ян Симин.

— Да, — невозмутимо ответил Фань Цинцзи, не торопясь отступая в сторону. — Входите.

Ян Симин с легкой улыбкой покачал головой, явно понимая, что только что произошло:

— Я пришел вовремя, так что внутрь не пойду.

Развернувшись к бамбуковому креслу-качалке во дворе, Ян Симин бросил Фань Цинцзи маленький флакон из голубого фарфора:

— Сначала дай это Цзину, потом выходи.

В комнате погасло несколько свечей, погружая всё в двусмысленный полумрак. Когда Фань Цинцзи вошел, он не забыл закрыть дверь. Вэнь Цзилинь сидел на краю кровати, и в его взгляде, устремленном на вошедшего, не угасало желание.

Постель была в беспорядке, как и одежда Вэнь Цзилиня. Красные следы на шее в тусклом свете выглядели соблазнительно. Фань Цинцзи подумал, что просто напоить его лекарством было бы слишком скучно.

Когда таблетка была проглочена, Фань Цинцзи медленно подошел, опустился на одно колено на кровать и оперся руками по бокам от Вэнь Цзилиня. Тот покорно обвился руками вокруг его шеи, подставляя губы.

В мерцании свечей слышались лишь двусмысленные звуки, сливающиеся со стрекотом цикад. Ян Симин беззаботно смотрел на дерево альбиции во дворе и цокнул языком:

— Молодежь, какой пыл.

Тонкий женский силуэт появился за дверью, Инь Моли заглянула внутрь с беспокойством:

— Ну как?

Ян Симин весело рассмеялся, поднялся с кресла и подошел к ней:

— У них там жарко, а одежды на них почти нет.

Инь Моли, от которой веяло ароматом чая, вздохнула:

— В конце концов, они еще ничего не понимают... Стоило бы быть осторожнее с такими словами, пойдем посмотрим, чтобы успокоиться.

Ян Симин, обняв ее за плечи, повел к бамбуковым креслам:

— Разрушение душевных преград не бывает хорошим или плохим. Один разрушает их ради спасения мира, другой — чтобы ввергнуть его в хаос.

Снова удобно устроившись, Инь Моли прильнула к его груди. Небосвод и кресло покачивались перед ее глазами:

— Это я разрушила его преграду?

Теплая рука ласково погладила ее волосы, опавшие листья падали на шею, принося с собой легкую прохладу:

— Преграды бывают разными. — Звуки из комнаты немного стихли. — Путь Дао следует за сердцем. Если идешь по зову сердца, значит, не совершаешь ошибки. Чем меньше преград, тем глаже путь Дао.

— А если совершаешь плохое, это тоже следование Дао? — Инь Моли, которая лишь несколько дней назад успешно прошла Призывание Бессмертия, была полна любопытства.

— ...Это уже вопрос правил, — мягко улыбнулся Ян Симин. — Дао допускает всё, а причинно-следственные связи правил уравнивают добро и зло.

Такова была философия Даоцзэ: следовать Дао, соблюдая правила. Иные преграды лучше не разрушать.

— Цзин спросил меня о чувствах, и я рассказала ему, что думаю, — Инь Моли задумчиво посмотрела на размытую тень в окне. — Похоже, не зря говорила.

Ян Симин не стал спорить, нефритовая цикада на его плече тихо исчезла:

— У тебя самой в будущем не появится подобный Демон Сердца?

Инь Моли лишь улыбнулась в ответ, но предупредила:

— Он выходит.

Фань Цинцзи с распухшими губами чинно поклонился:

— Наставник, наставница.

<http://bllate.org/book/22457/2361617>